

Наум СИНДАЛОВСКИЙ

ДЕНЬГИ В ИСТОРИИ РОССИИ И В ГОРОДСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

1

Среди других многочисленных повседневных реалий, сопровождающих человека всю его сознательную жизнь с детства и вплоть до кончины, деньги занимают одно из первых мест. В привычный обиход маленького человека понятие денег впервые входит вместе с зажатыми в потный кулачок первым монетками, выданными мамой или бабушкой на мороженое, и уходит вместе с ним в иной мир при совершении печального ритуала похорон. При смерти в виде холодных пятков на закрытых веках, а при погребении — в виде мелких монет, которые провожающие бросают в могилу вместе с комьями земли, чтобы покойный мог расплатиться с перевозчиком при переправе через реку, отделяющую мир живых от мира мертвых. Или, как мы говорим, пользуясь древнейшими эвфемизмами, этот свет от того света.

Деньги в качестве эквивалента стоимости товара, в привычном для нас понимании этого слова, то есть как чеканные металлические монеты, появились в VII веке до нашей эры. Стремительное распространение денег по всему миру напрямую связано с удобством их хранения, транспортировки и обмена. При небольшом фактическом весе они обладали незначительным объемом и высокой стоимостью. Постепенно деньги полностью заменили товарообмен, тысячелетиями существовавший до этого.

В Киевскую Русь первые монеты были завезены арабскими купцами в VIII веке нашей эры. Они назывались дирхемами и чеканились в Арабском халифате. Затем на Руси появляются западноевропейские денарии, а в конце X века начинается чеканка собственных монет из золота и серебра. Они хорошо известны как златники и сребреники. На них изображался великий князь киевский и знак Рюрикovichей — трезубец с соответствующей надписью. Так, например, на монетах князя Владимира было написано: «Владимир на столе, а се его серебро», то есть: «Владимир на престоле, а это его деньги». Обычай изображения на монетах власт-

Наум Александрович Синдаловский родился в 1935 году в Ленинграде. Исследователь петербургского городского фольклора. Автор более двадцати книг по истории Петербурга: «Легенды и мифы Санкт-Петербурга» (СПб., 1994), «История Санкт-Петербурга в преданиях и легендах» (СПб., 1997), «От дома к дому... От легенды к легенде. Путеводитель» (СПб., 2001) и других. Постоянный автор «Невы», лауреат премии журнала «Нева» (2009). Живет в Санкт-Петербурге.

вующих государей сохранится на многие столетия, и мы еще встретимся с ним в ходе нашего повествования.

Первый русский рубль появился в XIII веке и представлял собой удлинённый брусок серебра весом приблизительно в 200 грамм. При необходимости его рубили на части соответствующего достоинства: полтины, четвертаки и так далее. Затем отрубленные куски вытягивали в проволоку и из ее расплюснутых кусочков чеканили монеты. На мелких монетах изображался всадник с мечом, а на монетах крупного веса — всадник с копьём. К словам «рубить» и «копье» восходит этимология русских «рублей» и «копеек».

В 1704 году Петр I издает указ об изготовлении серебряной рублевой монеты. В истории российских денег этот указ имел поистине революционное значение. Достаточно напомнить, что серебряные рубли Петр использовал в качестве наградных знаков и собственноручно вручал их особо отличившимся воинам. Орденовая система в то время в России еще не сформировалась. Правда, первый российский орден Андрея Первозванного был учрежден Петром I в 1698 году, но его официальный статус сложился только к 1720 году. Да и орден первоначально был не металлический, а матерчатый, нашивался на кафтан, и награждались им лица дворянского происхождения и особо приближенные к царю. В этих условиях наградным рублям придавалось исключительно высокое значение. Так, чтобы награжденные рекруты не могли использовать рубли в торговых расчетах, в их верхней части пробивалось отверстие для шнура, и рубль вешался на шею. Рубли с отверстием в обмен на товар принимать запрещалось.

Обычай награждения рублем сохранился в России надолго. Известно, какой высокий смысл вкладывал Александр Васильевич Суворов в свою первую награду, полученную им, если верить фольклору, при весьма любопытных обстоятельствах. Да и сама награда была не совсем обычной. Однажды молодой Суворов стоял в карауле в Петергофе. В это время на прогулку вышла императрица Елизавета Петровна. Когда она поравнялась с Суворовым, тот мгновенно вытянулся в струнку и так ловко отдал честь государыне, что та остановилась и, удивленная выправкой молодого солдата, протянула ему серебряный рубль. И была еще более удивлена тем, что услышала в ответ: «Не возьму, государыня. Закон запрещает солдату брать деньги, стоя на часах». — «Ну, что ж, возьми, когда сменишься», — промолвила Елизавета и положила монету у ног часового. Впоследствии Суворов не раз признавался, что «никакая другая награда не порадовала его так, как эта, полученная за отличное знание солдатской службы».

Неудивительно, что деньги, игравшие такую значительную роль в повседневной жизни государства, нашли живое отражение в городском фольклоре.

Но прежде чем мы обратимся к фольклору, необходимо сделать одну существенную оговорку. Несмотря на то, что фольклорный текст мог появиться намного позднее изложенных в нем событий, нам важен не столько момент появления самого текста, сколько хронологическая мета тех самых событий. В фольклоре это чаще всего происходит в связи с позднейшим осмыслением или переосмыслением тех или иных исторических событий. По возможности, придерживаясь этого важного принципа, мы и продолжим наше повествование.

2

Первым упоминанием денег в петербургском городском фольклоре, повторимся, согласно хронологии описанных в нем событий, можно считать поговорку:

«Без рубля бороды не отрастишь». Она родилась в Петербурге после того, как Петр I ввел штраф за ношение бороды. Указ, появившийся сразу после возвращения царя из-за границы, где он находился во главе знаменитого «великого посольства», назывался: «О ношении немецкого платья, о бритьи бород и усов, о хождении раскольникам в указанном для них одеянии». Первыми жертвами указа стали наиболее приближенные к царю знатные бояре, бороды которых Петр стриг самолично.

Жестокий цинизм этого указа для XVIII века заключался еще и в том, что для мужчин того времени, особенно для ее сельской части, борода считалась вторым признаком пола. Взрослый парень, появившийся на деревне после поездки в город с голым лицом, подвергался несмываемому позору. В арсенале городского фольклора сохранилась поговорка, свидетельствующая о реакции на требование брить бороды: «Режь наши головы, не тронь наши бороды». Вот почему денежный штраф, который были вынуждены платить мужики, считался явным издевательством.

Отказ от стрижки бород облагался пошлиной, взамен которой выдавался так называемый «Бородовой знак» в виде жестяного жетона. С чиновников, дворян, купцов и посадских людей взималось по 60 рублей в год, со слуг, ямщиков и людей «всяких других чинов» — по 30 рублей ежегодно. Крестьяне пошлиной не облагались, но с каждого, въехавшего в город, взималась одна копейка «с бороды». В этом случае жетон назывался «Бородовой копеей».

О том, что деньги играли важную роль в жизнедеятельности государства, можно судить по известной в фольклоре «переписке» Петра I с первым губернатором Петербурга Александром Даниловичем Меншиковым по поводу строительства кораблей в петербургском Адмиралтействе.

Значение, которое придавал Петр строительству военно-морского флота, хорошо известно. Он не оставлял его без внимания даже во время частых отлучек из Петербурга. В фольклорной энциклопедии петербургской жизни первой четверти XVIII века сохранился характерный обмен «посланиями» между царем и Меншиковым:

Петр I — Меншикову:

Высылаем сто рублей
На постройку кораблей.
Напишите нам ответ,
Получили или нет.

Меншиков — Петру I:

Получили сто рублей
На постройку кораблей.
Девяносто три рубли
Пропили и прое...
Остается семь рублей
На постройку кораблей.
Напишите нам ответ,
Строить дальше али нет.

Петр I — Меншикову:

Воля царская моя:
Я не знаю ни х...

С кем пил, кого е...,
Мне, чтоб были корабли.

Набирающая все большее и большее значение тема денег, если верить фольклору, присутствует в отношениях Петра и его любимца Меншикова постоянно. Рассказывают, что однажды Петр, разгневанный на Алексашку, обвиненного во взяточничестве, заставил его заплатить 200 тысяч рублей штрафа, то вдруг из дворца Меншикова, как по мановению волшебной палочки, исчезло все богатое убранство. Разгневанный государь потребовал объяснений. «Я принужден был, — отвечал Меншиков, — продать свои гобелены и штофы, чтобы хотя несколько удовлетворить казенные взыскания». — «Прощай, — сказал Петр с гневом, — в первый твой приемный день, если найду здесь такую же бедность, не соответствующую твоему званию, то заставлю тебя заплатить еще двести тысяч рублей». Царь действительно зашел вскоре к Меншикову и нашел все по-прежнему. Говорят, он долго любовался богатой мебелью и ушел, не говоря ни слова о прошедшем.

В 1716 году Петр издает указ, согласно которому на левом берегу Невы между впадающими в нее речками Мурзинкой и Славянкой были поселены рыбаки из северных губерний России. В обязанности переселенцев входило обеспечение столичных жителей рыбой. Первоначально слобода так и называлась Рыбной. До сих пор овраг в современном Рыбацком местные жители называют «Щучьей гаванью». По преданиям, сюда по весне заходила невская рыба, поймать которую уже не составляло никакого труда. Должно быть, благодаря этой особенности и проезд на берегу Славянки имел старинное название «Заверняйка».

Рыбацкий промысел оказался прибыльным. Село богатело и процветало. Зажиточные крестьяне, вызывавшие зависть городских обитателей, в старом Петербурге имели вполне определенное прозвище: «рыбацкий куркуль». Вместе с тем их нелегкий труд вызывал и восторженные оценки: «Рыбацкий куркуль — вместо корюшки омуль», на что степенные потомки северных поморов примирительно и беззлобно советовали: «А ты поймай угря в Рыбацком да продай за рупь в кабацком». Впрочем, как работали, так и гуляли. Идиома «Рыбацкое-кабацкое» известна еще с XVIII века. В 1829 году Рыбная слобода была переименована в Рыбацкую слободу.

К концу XIX века окончательно сложился современный вариант названия старинной слободы — Рыбацкое. Аромат моря и рыбы мифология Рыбацкого сохраняется до сих пор. В 1980-х годах началась массовая застройка Рыбацкого современными жилыми домами. Вынужденный переезд в столь удаленный от центра города район породил в народе соответствующий микротопоним: Рыбацкое-дурацкое», а получение в этом «дурацком Рыбацком» квартиры иронически называлось «Рыбацким счастьем».

3

В 1724 году по распоряжению Петра I из Москвы в Петербург переводится Монетный двор. До постройки существующего ныне специального здания Монетного двора мастерские по чеканке металлических денег, или, как сказано в указе, «казармы для распространения монетного дела», располагались в помещениях Трубецкого и Нарышкина бастионов Петропавловской крепости. Там же, еще при жизни Петра, изготавливается первая монета достоинством в один рубль. На ее оборотной стороне изображено солнце. В фольклоре этот рубль известен под названием «Солнечник».

В 1798 году для Монетного двора началось строительство специального здания по проекту архитектора Антонио Порто.

Но вернемся к последовательности нашего повествования. В 1754 году по специальному указу императрицы Елизаветы Петровны на Сестрорецком оружейном заводе, основанном в 1720 году Петром I на северном берегу Финского залива в 36 километрах от Петербурга, началась чеканка медных монет из «негодных и нештатных орудий, кроме достопамятных». Город был назван Сестрорецком по реке Сестре, на берегах которой он раскинулся. Первоначально завод представлял собой своеобразный производственный комплекс из двух десятков самостоятельных так называемых «оружейных фабрик». Сестрорецкие оружейники прославились виртуозным мастерством и высочайшей квалификацией. Они не раз завоевывали высокие награды на различных выставках. В России их не без гордости называли «сестрорецкие левши».

Оружейные мастерские, приспособленные для чеканки монет, стали называть «Монетной экспедицией». Медные деньги выпускали на заводе только до 1766 года. Но через четыре года к их производству снова вернулись. Правда, это был довольно странный заказ. Заводу поручили чеканку рублей в два с половиной фунтов весом. Была выпущена пробная партия, но дальше этого дело не пошло. Килограммовые медные деньги хождения не получили. Выпущенная партия стала нумизматической редкостью. Среди коллекционеров эта увесистая денежка называется «Сестрорецкой монетой». По буквам «С» и «М», выбитым чеканщиками в хвостовой части двуглавого орла, изображенного на рубле.

История с сестрорецкими монетами еще раз напомнила о неудобствах, связанных с повседневным использованием монет в товарно-денежных отношениях. Известна история получения казенных денег Михаилом Васильевичем Ломоносовым в качестве гонорара за написанную им торжественную оду по случаю какого-то юбилея. Деньги в количестве двух тысяч рублей были выданы медными рублями, которые пришлось доставить к дому Ломоносова на двух повозках. Впору было задуматься о бумажном эквиваленте металлических денег.

Первая мысль о бумажных деньгах возникла еще при Елизавете Петровне по инициативе генерал-берг-директора Миниха. Однако Сенат императрице отказал, сославшись на то, что «бумажные деньги — есть дело необычное на Руси, и их введение может возбудить превратные толки». Напомним, что к тому времени в Европе банковские билеты уже существовали более ста лет. Только в мае 1762 года Петр III издал указ о введении в России ассигнаций. Но буквально через полтора месяца Петр III был свергнут, на престол взошла Екатерина II, и его указ остался невыполненным.

Между тем интригующая тема денег из фольклора не уходила. Так, рассказывают, что знаменитая итальянская певица Габриели, приглашенная в Петербург на гастроли, запросила у Екатерины II за два месяца своих выступлений в столице 5 тысяч дукатов. «Я своим фельдмаршалам плачу меньше», — попробовала возразить императрица. «Отлично, ваше императорское величество, — отпарировала певица, — пусть ваши фельдмаршалы и поют». Императрица сдалась.

Среди тех, чьи услуги приходилось оплачивать полновесным рублем, были не только уже упомянутые нами «фельдмаршалы» и «ломоносовы», но и другие любимцы городского фольклора. Далеко не последним в этом ряду был скандально знаменитый поэт Иван Барков, чьи эротические, а то и просто непристойные стихи во множестве расходились в списках. Иван Семенович Барков родился в семье обыкновенного священника. В детстве был способным ребенком, и родители отдали его на обучение в университет. По воспоминаниям однокашников, Барков

учился успешно, обладал острым умом и хорошей памятью, но постоянно пьянствовал и скандалил, за что в конце концов и был изгнан из университета.

Однако знания, полученные во время учебы, даром не пропали. Работая в академической типографии, Барков совершенствуется в латыни и становится в конце концов неплохим переводчиком, которому Академия наук не раз поручала переводы сатир Горация и басен Федре. Правда, при этом каждый раз рисковала, опасаясь, что выданные поэту авансы могут бесследно исчезнуть, а заказанные сатиры так и останутся неперевереденными. Легенды об этом ходили по Петербургу в таком же множестве, как и его скабрзные поэмы. Согласно одному преданию, академия поручила Баркову какой-то ответственный перевод и выслала ему довольно дорогой экземпляр оригинала. Спустя время, после многочисленных напоминаний, Барков просил передать академикам, что книга переводится. Еще через некоторое время на беспокойный запрос он вновь заявил, что книга переводится... «из кабака в кабак». Что сначала он «заложил ее в одном месте, потом перевел в другое и постоянно озабочивается, чтобы она не залеживалась в одном месте подолгу, а переводилась по возможности чаще из одного питейного заведения в другое».

Барков искренне верил в свой поэтический талант и без зазрения совести пользовался этим обстоятельством в своих целях. Согласно одному анекдоту, однажды он пришел к Сумарокову. «Сумароков — великий человек! Сумароков — первый русский стихотворец!» — сказал он ему. Обрадованный Сумароков велел тотчас подать ему водки, а Баркову только того и хотелось. Он напился допьяна, а выходя, сказал Сумарокову: «Александр Петрович, я тебе солгал: первый-то русский стихотворец — это я, второй — Ломоносов, а ты только третий». Сумароков пришел в бешенство и погнался за наглецом, но того уже и след простыл.

Согласно преданиям, именно этот великий похабник и замечательный поэт придумал знаменитую по своей лаконичности надпись к памятнику Петру I на Сенатской площади: «Петру Первому Екатерина Вторая». Будто бы за это императрица выдала ему сто целковых, что по тем временам было целым состоянием. Рассказывают, что через несколько дней друзья великого гуляки и пьяницы решили узнать, куда он собирается вложить столь немалые деньги. В ответ Барков торжественно продекламировал экспромт:

Девяносто три рубли
Мы на водку употребли.
Остальные семь рублей
Впотребли мы на б...

Об этой истории сохранилась и другая легенда. Будто бы в конкурсе на надпись к памятнику, объявленном Екатериной, действительно победил Барков. Но учитывая специфичные особенности его личности, результаты конкурса решили не предавать огласке. Однако надпись использовали. Когда, к своему немалому удивлению, Барков увидел на пьедестале так хорошо знакомый родной текст, то тут же сбежал за кистью и вслед за словами «Петру Первому Екатерина Вторая» приписал: «обещала, но не дала», напомнив таким откровенно двусмысленным образом об обещанном якобы гонораре. Похоже, он никогда себе не изменял.

Как утверждает фольклор, Барков покончил жизнь самоубийством. Говорят, при нем нашли записку: «Жил грешно и умер смешно». Согласно другой легенде, он умер от побоев в публичном доме, успев произнести с горькой иронией ту же самую фразу.

В начале XIX века героем городского фольклора стал известный богач Александр Львович Нарышкин. Нарышкин слыл в Петербурге гостеприимным и щедрым хозяином. Его дом был открыт для всех, и по традиции давних времен все званные и незванные были его желанными гостями. В его доме на Большой Морской, который в Петербурге прозвали «Новыми Афинами», и на даче на Петергофской дороге собирались «все лучшие умы и таланты того времени». Между тем он постоянно был по уши в долгах. Об этом злословил весь Петербург. Рассказывали, что однажды, во время Отечественной войны 1812 года, некто при Нарышкине похвалил храбрость его сына, который, заняв во время боя какую-то позицию, отстоял ее у неприятеля. «Это уж наша фамильная черта, — отозвался остроумный Нарышкин, — что зайдем, того не отдадим».

На одном из приемов, устроенных Александром Львовичем на своей даче, присутствовал Александр I. «Во что же обошелся этот великолепный праздник?» — спросил император. «В тридцать шесть тысяч рублей, ваше величество», — заметил Нарышкин. «Всего-то?» — уточнил император. «Я заплатил тридцать шесть тысяч рублей только за гербовую бумагу подписанных мною векселей», — поправился Нарышкин. Спустя какое-то время император послал Нарышкину книгу, в которую были вплетены сто тысяч ассигнациями. Находчивый Нарышкин просил передать императору свою глубокую признательность и при этом добавил, что «сочинение очень интересное и желательно бы получить продолжение». Говорили, что Александр I вторично прислал книгу с вплетенными в нее ста тысячами, но приказал устно передать, что издание окончено.

Известна легенда о том, как умирал Нарышкин. Его последними словами были: «Первый раз я отдал долг... Природе».

Хорошо знали в Петербурге и большого любителя роскоши настоятеля Троице-Сергиевой пустыни Гедеоны, про которого открыто говорили: «Гедедон нажил миллион».

Справедливости ради надо сказать, что деньги в России тратились далеко не только на разгульную жизнь в кабаках и публичных домах. Часто они шли на благотворительность, которая поощрялась государством. В середине XVIII века в Петербурге широкое распространение получили карточные игры. Они были одинаково любимы как при дворе, так и в домах петербургской знати. В пору повального увлечения азартными карточными играми возникло поверье, согласно которому удача посещает только тех игроков, что играют вблизи жилища палача. Петербургские шулеры воспользовались этим и присмотрели два притона в доходных домах на углу Тюремного переулка и Офицерской улицы. Ныне это переулок Матвеева и улица Декабристов. Из окон притонов был хорошо виден Литовский замок — тюрьма, где, как утверждали обыватели, жил городской палач. М. И. Пыляев в книге очерков «Старое житье» рассказывает, как однажды тайный советник екатерининских времен, известный гуляка и картежник Политковский, которого в столице прозвали «Петербургским Монте-Кристо», проиграл казенные деньги. В игорный дом на углу Офицерской нагрянула полиция. С большим трудом удалось замаять скандал, который грозил закрытием игорного притона. С тех пор салонные зубоскалы стали называть узкий Тюремный переулок «Le passage des Thermopyles», где картежники стояли насмерть и готовы были скорее погибнуть, как древние спартанцы в Фермопильском ущелье, нежели лишиться игорного дома вблизи жилища палача. В буквальном переводе «Le passage des Thermopyles» означает «Фермопильский проход».

Между тем собственного производства карт в России долгое время не было. Карты завозили из-за границы. Их количество достигало таких величин, что однажды

навело правительство на мысль использовать ввозные пошлины на карты в благотворительных целях для «исправления нравов». Все ввозимые карты стали метить специальным клеймом, которое, как правило, ставилось на червонном тузе. Все деньги, полученные от продажи клейменых карт, направлялись на содержание воспитательных домов. При этом играть разрешалось только клеймеными картами. В Петербурге в конце XVIII века даже возник некий эвфемизм, который в пословичной форме заменял необходимость прилюдно заявлять о своей страсти. Играть в карты называлось: «Трудиться для пользы Императорского воспитательного дома».

Только в 1817 году в Петербурге появилась своя карточная фабрика. Она находилась на Шлиссельбургском тракте (ныне проспект Обуховской Обороны, 110). Фабрика принадлежала воспитательному дому, попечительницей которого была императрица Мария Федоровна. Ныне это Комбинат цветной печати, в музее которого и сегодня можно увидеть прекрасные образцы игральных карт того времени. О карточном прошлом этой фабрики напоминает фольклор. Дома, построенные владельцами фабрики для рабочих, в народе назывались «карточными домиками».

Существовали и другие способы вложения денег. В 1850 году советник коммерции Н. С. Тарасов основал в Петербурге известную в свое время Анастасиинскую богадельню. Предки Тарасова — костромские плотники и резчики — жили на Охте с XVIII века. В богадельне, представлявшей собой двухэтажный дом с садом, проживали около 50 престарелых уроженцев Охты. Удивительна легенда о богадельне Тарасовых. Когда-то дед Тарасовых женился на единственной дочери богатого купца Анастасии и получил в приданое миллион рублей. Но через месяц после свадьбы Анастасия вдруг умирает. Гордый купец возвратил миллион отцу покойной жены, заявив, что не считает возможным пользоваться этими деньгами, так как был женат всего один месяц. Но отец умершей оказался таким же гордым человеком и тоже отказался от этого миллиона, заявив в свою очередь, что наследником его дочери может считаться только ее муж. Так они перекидывали этот злосчастный миллион несколько раз. Наконец Тарасов воскликнул: «Раз так, деньги пойдут не мне, не тебе, а Богу». И основал богоугодное заведение.

Известны в петербургской городской мифологии и фольклорные названия церквей, сохранивших имена благотворителей, на пожертвования которых они были построены. «Громовской» называлась не сохранившаяся до нашего времени часовня при церкви Святого Фирса и Святого Саввы Псковского при богадельне и школах Ф. И. Садовникова и С. И. Герасимова на Каменноостровском проспекте, 66, построенная на деньги, пожертвованные купцом Громовым. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Троице-Сергиевой пустыни, построенная на деньги князя М. В. Кочубея, была известна в народе как «Кочубеевская». «Болгарским» называли в народе Троицкий собор на Измайловском проспекте, возведенный будто бы на деньги, собранные по всем городам и деревням Болгарии в память об освобождении болгар Россией от турецкого ига.

«Суворовской складчиной» называли организованный по всей России сбор денег на строительство музея Александра Васильевича Суворова.

Ходили легенды в Петербурге и о сказочном богатстве графского рода Шереметевых. «Если взять горсть гороха и рассыпать его по карте, то не окажется горошины, которая не попала на имение Шереметева», — говорили о богатстве Шереметевых в России. Шереметевы славились своей благотворительной деятельностью. Рассказывали, что один из предков Шереметевых на вопрос царя Ивана Грозного, где он скрыл свои сокровища, ответил: «Царь, я передал их Богу через руки нищих». Щедрость Шереметевых была так велика, что в Петербурге сложилась поговорка: «Жить на шереметевский счет». В поговорку вошел и сам дворец Шереметевых.

Когда хотели сказать об огромных домах в большом городе, восклицали: «Целая шереметевская вотчина!» Рассказывали, что однажды к графу Б. П. Шереметеву в его дворец на Фонтанке неожиданно явилась императрица Елизавета Петровна. Ее свита состояла из пятнадцати человек. Но это не повергло хозяев дворца ни в панику, ни в смущение. К обеду, который тут же был предложен императрице, ничего не пришлось добавлять.

В городском фольклоре легко обнаружить и другие примеры благородного, чуть ли не рыцарского отношения к деньгам. В 1875 году представитель купеческой семьи Василий Максимович Федоров продолжил семейное дело, начатое его отцом, и открыл в Петербурге несколько трактиров. Федоровские трактиры стояли на Невском проспекте, 1, в Кузнечном переулке, 12, в Лештуковом переулке, 1 и других районах города. Среди них были широко известные в столице буфеты в торговых залах Елисеевского магазина на Невском проспекте и при магазине фруктов и вина на Малой Садовой улице, 8. В воспоминаниях современников буфет на Малой Садовой почти всегда называется рестораном. Этот легендарный буфет славился на весь Петербург «стойкой», где за десять копеек можно было получить рюмку водки и бутерброд с бужениной. Причем посетители, расплачиваясь, сами называли количество съеденных бутербродов. Один буфетчик не мог уследить за всеми и получал столько, сколько называл сам посетитель. Сохранилась легенда о том, что кое-кто из недоплативших за бутерброды по стесненным обстоятельствам, когда выходил из кризисного положения, посылал на имя Федорова деньги с благодарственным письмом.

Порой деньгам придавалось сакральное значение. Их боготворили наравне с божественными иконами. На участке № 24 Шлиссельбургского тракта (ныне проспект Обуховской Обороны) при церкви Божией Матери «Всех скорбящих радость», которую в народе называли «Скорбященской», в 1790-х годах была построена часовня иконы Тихвинской Божией Матери. Широко известной в народе эта икона стала после случившейся в Петербурге в июле 1888 года необыкновенной по силе и продолжительности грозы. Икона чуть не погибла, пережила второе рождение и стала с тех пор глубоко чтимой прихожанами. Вот как, согласно одной из петербургских легенд, это произошло. Во время грозы мощная молния ударила прямо в часовню, и она загорелась. Пожар мгновенно охватил все здание часовни. Из нее начали спешно выносить церковную утварь. Когда огонь удалось унять, прихожане с изумлением увидели, что киот иконы «Всех скорбящих радость» разбит, а к самой иконе прилипли неизвестно откуда взявшиеся одиннадцать полушек. С тех пор икона считается чудотворной. В народе ее прозвали «Богородица с грошиками» или «Богородица Всех скорбящих с грошиками».

В многовековом противостоянии двух столиц деньги легко превращались в художественную метафору и мерило ценностей. Известны поговорки: «Москва создана веками, Питер — миллионами» и «Питер строился рублями, Москва — веками». Оценочная функция возложена на деньги и в послереволюционной поговорке об утраченной монархии: «Был Николай дурачок — была булка пятачок».

Широко использовались деньги и в рекламных целях. В фольклоре сохранился выкрик пристанного матроса на перевозе у Летнего сада к Домику Петра I к образу Спасителя, который якобы помогал нерадивым ученикам сдавать экзамены и к которому возили родители своих лентяев: «К Спасителю за две копейки!» Известна и реклама дешевых папирос петербургской табачной фабрики «Товарищества Лаферм»: «Папиросы „Трезвон“, три копейки вагон!»

Но мы забежали вперед. Вернемся во вторую половину XVIII столетия. Только через шесть лет после восшествия на престол, в декабре 1768 года Екатерина II своим манифестом возвестила об учреждении двух банков в Москве и Петербурге,

объявив тем самым о начале эры бумажных денег в России, «дабы отвратить тягость медной монеты, затрудняющий ее оборот и перевоз». Банки регулировали выпуск ассигнаций и обменивали их на медные, серебряные и золотые монеты. Позднее, в 1849 году, ассигнации были отменены. На их место пришли бумажные деньги, которые как эквивалент стоимости остались в широком обращении. Они были удобны в пользовании и к ним быстро привыкли.

Первоначально бумага для ассигнаций изготовлялась на Красносельской, а затем на Царскосельской мануфактуре, а печатали деньги в Сенатской типографии. Но качество как самой бумаги, так и печати было столь неудовлетворительным, что очень скоро это вызвало появление многочисленных подделок. Все это заставило Александра I принять решение об устройстве специального заведения для изготовления бумажных денежных знаков на современном оборудовании и по современным технологиям. Создание такого предприятия поручили председателю Комитета по делам строений и гидравлических работ инженер-генералу Августину Августиновичу Бетанкуру.

Полное имя Бетанкура: Августин Хосе Педро дель Кармен Доминго де Канделария де Бетанкур и Молина. Он родился в Испании, но в связи с беспорядками в стране уехал сначала во Францию, а в 1808 году — в Россию. Здесь он был принят на государственную службу в чине генерал-майора. Архитектор, строитель, инженер-механик, Бетанкур принимал участие в строительстве Исаакиевского собора и в возведении Александровской колонны. По его проекту был учрежден Институт корпуса инженеров путей сообщения. В Петербурге Бетанкур занимал должность председателя Комитета о городских строениях и директора Главного управления путей сообщения. Он по праву считается организатором транспортной системы Российской империи.

В 2009 году перед корпусом Петербургского университета инженеров путей сообщения на углу Московского проспекта и набережной Фонтанки бронзовый памятник Бетанкуру. Автор проекта памятника скульптор Владимир Горевой.

Строительство Экспедиции заготовления государственных бумаг, как стали называть это предприятие, велось на левом берегу Фонтанки в 1816—1818 годах. В 1860-х годах фабрика была перестроена и приобрела вид самостоятельного производственного городка с казармами для охраны, домами для рабочих, бумажным производством, литографией, типографией, административным корпусом и другими сооружениями. Кроме ассигнаций и вексельных бумаг, экспедиция выпускала почтовые марки и художественные репродукции, открытки и книги. В комитете по народным изданиям при экспедиции работали такие видные деятели русской культуры, как И. Е. Репин, А. Н. Бенуа, И. А. Билибин, Б. М. Кустодиев, Л. О. Пастернак и многие другие. Такая просветительская деятельность, казалось бы, далекого от просвещения предприятия не могла не вызывать чувства почтения и признательности. В Петербурге XIX века даже сложилась этакая шутивая формула добродушного ворчания при просьбе дать денег займы: «У меня не Экспедиция заготовления бумаг», которую при желании можно было понимать как угодно. С одной стороны — я не денежный мешок, чтобы ссужать других, с другой — я имею большее отношение к культуре и меньшее к деньгам.

После Октябрьской революции 1917 года экспедиция была переименована в фабрику «Гознак». В настоящее время на фабрике «отливают» специальную бумагу, которую затем отправляют в Москву и Пермь, где на ней печатают деньги.

Денежные купюры не обошел своим пристальным вниманием и городской фольклор. Сторублевые бумажные знаки, на лицевой стороне которых был изображен портрет Екатерины II, в просторечии назывались «Катя», «Катенька», «Катька», «Катюха». Широко распространенное название денег «бабки» так же идет от изображе-

ния на ассигнациях XVIII—XIX веков «бабушки» бумажных денег в России Екатерины II. Просторечный вариант этого «родственного статуса» одного из самых популярных русских монархов — Екатерины II — «бабки» — широко известен не только в уголовном мире. Вспомним, как Александр I при восшествии на престол в ночь гибели взбалмошного Павла I будто бы пообещал окружившим его приближенным: «Теперь все будет, как при бабушке». Справедливости ради надо сказать, что известные фразеологические конструкции «срубить бабки», «наварить бабулек», «зашибить бабки» или «заколачивать бабки» в смысле «зарабатывать деньги» прямого отношения к императрице не имеют. Здесь «бабки», если верить этимологическим словарям русского языка, это надкопытные кости жвачных животных, используемые для игры «в бабки». Выигрывал тот, кто мог одним умелым броском сбить установленную на договорном расстоянии бабку. Впрочем, известно, что соединение смыслов или перенос смысла с одного понятия на другое является широко распространенной особенностью всякого живого, развивающегося языка, в том числе и фольклорного. Кстати, этимология слова «бабло», недавно вошедшего в повседневный оборот в качестве жаргонного синонима слова «деньги», по созвучию восходит к тем же «бабкам».

Принцип образования фольклорных наименований денежных знаков в фольклоре вошел в обычай. Так, пятисотрублевые бумажные купюры с портретом Петра I в народе известны как «Петеньки». Коллекционеры хорошо знают и «Николаевскую десятку» — золотую десятирублевую монету с изображением профиля Николая I, выпущенную в обращение в ходе денежной реформы 1898 года, предпринятую по инициативе С. Ю. Витте.

С именем Николая I связана история еще одной, давно уже ставшей редкой коллекционной монетой — так называемым «Константиновским рублем». Но все по порядку.

20 ноября 1825 года в Таганроге скончался император Александр I. Согласно закону о престолонаследии, принятому и обнародованному его отцом императором Павлом I, трон должен был занять второй по старшинству его сын Константин Павлович. Однако за пять лет до описываемых нами событий Константин Павлович развелся со своей первой женой, великой княгиней Анной Федоровной и женился на польской графине Жанетте Грудзинской, возведенной после этого императором Александром I в княжеское достоинство под фамилией Лович.

Впрочем, это был далеко не первый скандал, связанный с именем великого князя Константина Павловича. В Петербурге он слыл человеком с непредсказуемым и необузданным характером. С юности за ним тянулся шлейф «гнусных историй», одна из которых связана с именем жены придворного ювелира, благосклонности которой тщетно добивался великий князь. Женщина решительно отвергала все его ухаживания, и тогда Константин с помощью друзей организовал ее похищение. Несчастную женщину привезли в Мраморный дворец и «подвергли групповому изнасилованию», в результате чего она умерла. Дело удалось замять. Кого отправили в отставку, кто сам уехал за границу. А за Константином в Петербурге закрепилось прозвище Покровитель Разврата.

Скандалный морганатический, то есть неравнородный, брак не позволял Константину оставаться наследником русского престола. Вот почему еще в январе 1822 года, более чем за три года до кончины Александра I, он отрекся от царского трона в пользу своего брата Николая Павловича. Однако акт отречения обнародован не был и все это время держался в строжайшей тайне. Таким образом, с 20 ноября 1825 года до 14 декабря того же года, то есть со дня смерти Александра I до официального восшествия на престол Николая I и обнародования отречения от престо-

ла Константина Павловича, в России был период междуцарствия. Он сопровождался нервной перепиской между Петербургом и Варшавой, где в то время находился Константин, и тревожным ожиданием результатов выяснения семейно-династических отношений между двумя братьями.

Повторимся, ни официальных уведомлений, ни каких-либо указаний на этот счет издано не было. Общество находилось в полном неведении. Вот почему, едва в Петербурге узнали о смерти Александра I, как в витринах магазинов появились портреты нового императора Константина I, а на Монетном дворе приступили к чеканке монеты с изображением Константина. За короткий период междуцарствия было выпущено шесть пробных монет. Они ожидали высочайшего утверждения. Понятно, что с окончанием междуцарствия вопрос о новом металлическом денежном знаке отпал сам собой. В тираж монеты не запустили. Сегодня эти исторические шесть пробных монет являются уникальной нумизматической редкостью, известной под названием «Константиновский рубль».

Но и это еще не все. В течение нескольких дней все официальные учреждения обеих столиц под присягой признали Константина императором. К присяге была приведена армия. На верность Константину присягнули все высшие государственные чиновники, все Романовы и сам Николай Павлович. О своем верноподданничестве он сообщил Константину в личном письме, тут же отправленном в Варшаву. И только 13 декабря, когда Константин вторично подтвердил свое отречение, Николай провозгласил себя императором. Таким образом, формально с 27 ноября по 13 декабря императором и самодержцем всероссийским был Константин I, хотя, согласно официальной историографии, он никогда не царствовал, а начало правления Николая I задним числом было отодвинуто к дате смерти Александра I.

4

В XVIII веке население Петербурга в основном росло за счет принудительных мер правительства, которое насильно сгоняло на строительство города плотников, каменщиков, землекопов, мастеровых и даже торговых людей. Кроме того, богатая петербургская знать переселяла в столицу своих крепостных, составлявших их многочисленную городскую челядь.

В XIX веке, особенно во второй его половине, положение изменилось. С отменой крепостного права Петербург стал центром притяжения тысяч крестьян, порвавших с землей и в большинстве своем искавших постоянного заработка, в меньшинстве — случайного обогащения, легкой свободной жизни, неожиданного поворота судьбы. Население столицы начало стремительно расти. Город, едва насчитывавший в 1861 году полмиллиона жителей, к 1900 году занял четвертое место в мире по численности населения, уступая лишь Лондону, Парижу и Константинополю. Перепись 1900 года среди полутора миллиона жителей столицы зарегистрировала 718 410 крестьян, прибывших из 53 губерний необъятной России.

Причины миграции сельского населения в разных регионах страны были различными. Но несмотря на то, что фольклор утверждает, будто «от каждого порога на Питер дорога», легко заметить, что наибольшей миграционной активностью отличались близлежащие к Петербургу губернии: Ярославская, Тверская, Новгородская, и особенно — Псковская и Витебская, по территориям которых в середине XIX века пролегла первая в России железнодорожная колея. Вот почему псковские и витебские крестьяне чаще всего становились кузнецами и текстильщиками, портными и сапожниками, работницами табачных фабрик и прачками, то есть петербургскими.

буржжуа в первом поколении, петроградцами во втором и третьем, ленинградцами и вновь петербуржцами в последующих. К этому времени в богатом арсенале петербургской фразеологии относится и появление одной из самых исторически точных петербургских поговорок: «Псковский да витебский народ самый питерский».

Необратимые процессы капиталистического развития пореформенного Петербурга тонко почувствовала всегда совестливая и ответственная за происходящее в мире русская литература. Пушкинский Петербург катастрофически превращался в Петербург Достоевского — город, представлявший собой социальный тупик, в котором сходятся все дороги и из которого не ведет ни одна. Опыненные иллюзией свободы и призраком обогащения провинциальные русские растиньяки бросились на завоевание русского Парижа в честолюбивой надежде стать вершителями судеб и властителями умов. В столицу приезжали на заработки, на службу, «на ловлю счастья и чинов», на учебу. В особняках знати жило множество слуг, выписанных вельможами из своих сельских имений. Слуг было так много, что даже у Пушкина, который, как известно, вечно нуждался в деньгах и умер, не оплатив гигантские долги, их насчитывалось пятнадцать. Что же говорить о графе Строганове, у которого служило едва ли не 600 человек.

Вся эта огромная масса пришлого населения, замороженная фантастическими снами и святочными рассказами, верила в «свой» Петербург, когда бросала насиженные места и устремлялась в столицу. Но холодный, расчетливый, недостижимо вельможный Петербург все ставил на свои места. Он славился стремительными обогащениями и катастрофическими падениями; одних любил, к другим был равнодушен, одних безоговорочно принимал, других отталкивал как инородные тела. В городском фольклоре это фиксировалось безошибочно точными пословичными формулами успеха, а чаще всего неуспеха: «Кого Питер полюбит — калач купит, кого не полюбит — последнюю рубаху слупит»; «Питер бока повытер»; «Матушка Нева испромыла нам бока»; «Питер — карман вытер» и так далее и так далее.

Сословный и чопорный Петербург быстро разрушал иллюзии искателей счастья. Отрезвевшие псковичи и ярославцы, помятые жизнью и потертые бедностью и унижением, если не возвращались на «круги своя», то превращались в извозчиков и лакеев, мелких чиновников и ремесленников, на всю жизнь усвоив житейскую истину о хорошем городе Питере, который «бока вытер». В Вологодской губернии над парнями, которые уехали в Петербург в надежде разбогатеть, а вернулись в свою деревню без денег, смеялись: «Напитерился». В той же Вологодской губернии родилась поговорка: «Питер кому город, а кому ворог».

Тема денег в петербургской мифологии становится едва ли не ведущей. Чаще всего это взгляд на Петербург не изнутри, а извне: «В Петербурге денег много, только даром не дают»; «В Питере денег кадка, да опущена лопатка, кадка-то узка, а лопатка-то слизка»; «В Питере деньги у потоки не висят». В смысле: денег даром не дают, с неба они не падают. Поговорка записана в Пудожском уезде, где потока — это водотечник, нижний свес кровли, желоб.

Деньги становились элементом и мерилом социального устройства общества. По деньгам встречали и провожали. Известный юрист и общественный деятель А. Ф. Кони вспоминает анекдот о продавцах ситников и калачей в галереях Гостиного двора. На укоризненное недовольство по поводу найденной в начинке тряпки торговцы качали головами: «А тебе за три копейки с бархатом, что ли?»

Репутация Петербурга как города, где можно славно повеселиться, распространилась по всей России. В 1916 году справочная книга «Весь Петроград» сообщала названия, адреса и фамилии владельцев более полутора тысяч трактиров. Было чем

вскружить головы заезжим провинциалам. В Ярославской губернии распевали частушки:

В Петербурге жизнь хороша,
Только денег нет ни гроша.
Заведется пятачок,
И бежишь с ним в кабачок.

В деревнях, раскинувшихся по берегам Пинеги в Архангельской губернии, озорные частушки о жизни в столичном городе Петербурге с малолетства распевали даже дети:

Утка, утка, полетай,
Поди дома работай.
— Ей-ей — не могу,
Потянули за ногу.
Как в Питере вино
По три денежки ведро.
Хошь — пей, хошь — лей,
Хошь окачивайся,
Да живи и поворачивайся.

А в Тверской, Новгородской, Ярославской и многих других губерниях оставались недолюбленные и недоцелованные молодухи, которым ничего не оставалось, как хорохориться да распевать невеселые частушки:

Мой забава в Питере
На каменном заводе.
Пьет вино, курит табак,
Денежки проводит.

Особым отношением к деньгам отличались рачительные и бережливые петербургские немцы, селившиеся, как правило, национальными колониями, или слободами, в окрестностях столицы. Одна такая немецкая слобода находилась на Выборгской стороне, вблизи Лесного проспекта. По местному сентиментальному преданию, в ней жили две семьи, дети которых — молодой ремесленник Карл и дочь булочника красавица Эмилия — полюбили друг друга. Однако их родители год за годом не давали бедным влюбленным согласия на брак. «Подождем, пока Карл будет зарабатывать достаточно, чтобы начать откладывать зайн кляйнес шатц (свои маленькие сбережения)», — говорили они. И дети покорно ждали своего счастья.

Через десять лет Карл стал зарабатывать вполне достаточно и уже отложил некоторое «шатц». Но родителям этого показалось мало, и они опять сказали: «Найн!» Прошло еще двадцать лет. И снова дети слышали категоричное: «Найн!» И тогда пятидесятилетние Карльхен и Эмилия посмотрели друг на друга, взяли за руки, пошли на Круглый пруд и бросились в него. И когда наутро их тела вытащили баграми, они все еще держали друг друга за руки. И тогда «господин пастор» и «господин учитель» посоветовали прихожанам назвать их именами улицу, чтобы отметить «удивительную любовь и не менее дивное послушание родителям».

Улица Карла и Эмилии просуществовала до 1952 года. В тот год ее переименовали в Тосненскую. Затем и она исчезла с топографической карты Петербурга.

В 1975 году Тосненская улица растворилась в застройке проспектов Раевского и Тихорецкого. Впрочем, могила влюбленных Карла и Эмилии была долгое время хорошо известна жителям Лесного — простой металлический крест в ограде, вблизи Политехнического института. Говорят, что она всегда была украшена свежими букетиками цветов.

В 2007 году в сквере дома № 22 по улице Бутлерова был установлен памятник легендарным влюбленным. Автор монумента — выпускник Академии художеств скульптор Матвей Вайман. Однако простоял памятник недолго. В 2015 году его демонтировали. Будто бы по требованию православной общественности, утверждавшей, что памятник самоубийцам оскорбляет чувства верующих. А жаль. Это был первый памятник влюбленным в истории Петербурга.

Пасторальные идиллии.
Вечных мифов череда.
Тени Карла и Эмилии
У заросшего пруда.
Стародавние видения
Не исчерпаны вконец.
В петербургском исполнении
Драма любящих сердец.
Не святые, не герои.
Не шекспировский размах.
И казалась нам порою
Несерьезность в их мольбах.
Прожужжали наши уши,
Намозолили глаза.
Обреченные не слушать,
Мы не слышим голоса.
И не верим в век из века
В назидательный рассказ,
Что во благо человека
Наши дети лучше нас.
И они, как наша карма,
От которой никуда.
Тень Эмилии и Карла
К нам вызывает из пруда. *

Впрочем, были в Петербурге и те, о которых можно было с уверенностью сказать, что в их руки деньги падали с неба. Так, кличкой известного в Петербурге товарища министра просвещения при Александре II Михаила Сергеевича Волконского, нажившего деньги не совсем чистым способом при строительстве Грязе-Царичинской железной дороги, было Грязный Волконский. Наричательное выражение «Гулять по-княжески» пошло от поведения великого князя Алексея Александровича, который сорил деньгами на женщин, рестораны и казино. Причем и в России, и за рубежом. Алексей Александрович в начале XX века был генерал-адмиралом русского флота, и про него говорили: «Парижские дамы стоят России по одному броненосцу в год». «Петербургскими чудодеями» иронически называли богачей, позволяющих себе различные чудачества в общественных местах. Например, один из них — бога-

* Автор стихов, отмеченных знаком *, — Н. А. Синдаловский.

тейший купец Михайло Кусовников — ходил по Петербургу в мужицких лаптях и длиннополом зипуне, с лукошком яиц или бочонком с сельдями. В таком виде он заходил в ювелирные магазины и покупал драгоценности, доставая из карманов огромные пучки денег.

5

Одновременно с ростом и развитием денежных отношений в России формировалась банковская система. Ведущая роль в этом процессе принадлежала столичным, то есть петербургским, банкам. Если в первой половине XIX века Невский оставался проспектом особняков, дворцов и модных магазинов, то стремительное развитие капитализма после отмены крепостного права придало Невскому более деловой характер. За короткое время в Петербурге открылись десятки самых различных банков и деловых контор. Большинство из них разместились на Невском проспекте. Достаточно сказать, что до революции в 28 домах из 50, расположенных на участке Невского от Адмиралтейства до Фонтанки, открылись респектабельные банковские конторы и агентства. И если в начале XIX века Невский проспект называли «Проспектом веротерпимости» — за обилие на нем моленных домов самых различных христианских конфессий, то в конце века его стали называть «Улицей банков».

Череду банков на Невском проспекте открывал знаменитый в свое время банк Вавельберга в доме № 7, построенном в 1912 году на одном из самых престижных участков Петербурга, на углу Невского проспекта и Малой Морской улицы по проекту модного в то время петербургского архитектора М. М. Перетятковича. Здание было заказано купцом 1-й гильдии М. И. Вавельбергом специально для торгового банка. Это величественное сооружение, облицованное мощными блоками темного, грубо обработанного гранита, выполнено в стиле итальянских дворцов эпохи Возрождения. В Петербурге его прозвали «Дворец дождей» или «Денежное палаццо». Сохранилась легенда, как богатый и немногословный банкир принимал дом от строителей. Он долго водил их по многочисленным лестницам, коридорам и переходам и, не найдя к чему придрататься, в конце концов остановился у входных дверей. Долго смотрел на бронзовую табличку с надписью: «Толкать от себя». Потом повернулся к строителям и проговорил: «Это не мой принцип. Переделайте на: „Тянуть к себе“».

Разраставшаяся в стране сеть частных, корпоративных, ведомственных и государственных банков требовала со стороны центрального правительства не только пристального внимания, но и постоянного контроля и регулирования. До Петра I управление финансами на Руси осуществлял Казенный приказ. Затем контроль за деятельностью финансовых учреждений был передан Правительственному Сенату. Только в 1802 году манифестом Александра I в России впервые учреждается Министерство финансов. За чуть более чем сто лет истории министерства до февраля 1917 года на посту министров сменилось около 20 человек. Можно предположить, что сменяемость в других министерствах была не меньшей, однако вряд ли все другие министерства могли похвастаться таким вниманием городского фольклора к их руководителям, как Министерство финансов. А это бесспорно говорит об их известности среди населения и степени влияния на повседневную жизнь. Вот только два примера о двух — одном из первых и одном из последних — министрах финансов царского правительства.

Дмитрий Александрович Гурьев был третьим по счету министром финансов. Представитель старинного графского рода, действительный тайный советник, член

Государственного совета, сенатор и управляющий Кабинетом его императорского величества, он стал министром финансов в правительстве Александра I исключительно благодаря поддержке, оказанной ему графом Аракчеевым. Ни в обществе, ни в Государственном совете доверием он не пользовался, хотя и старался принять какие-то меры для стабилизации финансовых дел, расшатанных войной 1812 года. Как утверждают современники, Гурьев «обладал умом неповоротливым, и ему трудно было удержать равновесие». В 1823 году, лишившись поддержки всесильного Аракчеева, он подал в отставку. Пришлось это на время пасхальных праздников, и в Петербурге родилась пословица: «Христос воскрес, Гурьев исчез».

Между тем имя Дмитрия Александровича прочно вросло в городскую мифологию не только благодаря обидной и, может быть, не вполне справедливой пословице. Широко известная в гастрономических летописях всего мира «гурьевская каша» — манная каша, приготовляемая в керамическом горшке на сливочных пенках вместе с грецкими орехами, персиками, ананасами и другими фруктами, — достойно носит имя своего изобретателя — министра финансов. Молва утверждает, что она была изобретена Гурьевым в честь победы России над Наполеоном.

В конце XX века понятие «гурьевская каша» заметно утратило свое фольклорное происхождение и выглядело обыкновенным официальным наименованием широко известного кушанья. Зато в уголовном жаргоне это понятие приобрело другое значение, не упомянуть о котором было бы неверно. На тюремном языке «гурьевская каша» означает избивание, в результате которого избиваемый терял человеческий облик и приобретал совершенно бесформенный вид.

Имя графа Гурьева городской фольклор сохранил еще в одном названии. В ведении Дмитрия Александровича, в бытность его министром финансов, находился Императорский фарфоровый завод, на котором тогда было начато изготовление уникального столового сервиза. Сервиз был задуман с размахом. Достаточно сказать, что он продолжал пополняться отдельными предметами вплоть до 1917 года. К этому времени их насчитывалось уже около четырех с половиной тысяч. Значительная часть этого гигантского фарфорового ансамбля за время советской власти была утрачена. Но то, что от него сохранилось — примерно 820 предметов, которые в настоящее время находятся в собрании Большого Петергофского дворца, — впечатляет и сегодня. Официально этот сервиз называется «Русский». На его тарелках были изображены народы, населяющие Россию, и уличные сценки из народной жизни. Но в кругах знатоков и специалистов он до сих пор носит фольклорное имя — «Гурьевский».

Доставалось не только Гурьеву. С 1823-го по 1844 год должность министра финансов исполнял граф Егор Францевич Канкрин, популярность которого в светских кругах была также не очень высокой. Сохранился анекдот о реакции известного остроумца князя А. С. Меншикова на случившуюся однажды тяжелую болезнь Канкрин: «Что нового сегодня о болезни Канкрин, Александр Сергеевич?» — спросили однажды Меншикова. «Плохие новости, — ответил князь, — ему гораздо лучше».

В 1892 году кресло министра финансов занял один из крупнейших государственных и политических деятелей России конца XIX — начала XX века Сергей Юльевич Витте. Витте окончил математический факультет Новороссийского университета, после чего по настоянию родителей пошел служить в Управление Юго-Западной железной дороги. Его головокружительной политической карьере предшествовал совершенно невероятный случай, который свел его с императором Александром III и круто изменил судьбу. Во время подготовки к одному из путешествий императора по железной дороге Витте был единственным, кто открыто и довольно резко вы-

ступал против этой затеи. Железная дорога, по мнению Витте, была не готова к предполагаемой скорости движения. «Государю голову ломать не хочу», — будто бы заявил он. Мнение никому не известного железнодорожного служащего Александр узнал только после крушения императорского поезда в Борках.

В то время должность министра финансов по своему значению приравнивалась к должности главы правительства. Враги Витте, которых у него было достаточно, изошрялись:

Премьером стал у россов
Богатый инвентарь:
Один премьер без носа,
Другой премьер — Носарь.

Надо напомнить, что ныне основательно подзабытый председатель Петербургского совета рабочих депутатов Г. С. Хрусталеv-Носарь пользовался в то время определенным авторитетом. Его даже называли Вторым Премьером. А у Сергея Юльевича Витте при его богатырской фигуре и могучем росте, по утверждению художника Юрия Анненкова, «нос был скомканный и в профиль был незаметен, как у гоголевского майора Ковалева».

Находясь у власти, Витте провел ряд блестящих финансовых реформ. Он вывел страну из кризиса, обрушившегося на Россию после поражения в Русско-японской войне 1904—1905 годов. В американском городе Портсмуте Витте заключил выгодный для России мирный договор с Японией, за подписание которого Николай II пожаловал ему графский титул. Правда, России пришлось отдать Японии половину Сахалина, за что в высшем свете Витте прозвали Графом Полу-Сахалинским. Бульварная пресса не уставала издеваться над Витте. На углу Невского и Садовой газетчики выкрикивали в толпу свежие новости: «Новая финансово-политическая газета — Виттова пляска! Витте пляшет, Трепов барабанит!» Напомним, что «Пляска святого Вита» — это недуг, характеризующийся беспорядочными движениями, напоминающими танец. В Германии существовало поверье, по которому обрести здоровье можно было, танцуя перед статуей христианского святого Вита. А Турецким Барабаном в Петербурге называли генерал-губернатора Д. Ф. Трепова.

Последней политической акцией Витте был знаменитый Манифест 17 октября 1905 года, даровавший России политические свободы. Витте лично составил текст манифеста. Царь долго сопротивлялся его подписанию, и впоследствии в Петербурге говорили, что Витте буквально «вырвал манифест у царя». Этому ему не простили. Витте подал в отставку, которая немедленно была принята. Говорят, при этом «радостным» известии у супруги императора Александры Федоровны, а по некоторым источникам, и у самого Николая II вырвался вздох облегчения. Известно, что императрица Витте недолюбливала и за глаза называла «Этот вредный человек».

Между прочим, Сергей Юльевич Витте мог бы стать героем городского фольклора и по другому, вовсе не политическому обстоятельству. В его доме, что находился на Каменноостровском проспекте, 5, супруга Витте регулярно устраивала «веселые завтраки и вечера», на которых подавали «крошечные горячие ватрушки с ледяной зернистой икрой внутри». Однажды Витте пошутил по этому поводу: «Гурьев был министром финансов хуже меня, и имя его навсегда осталось в истории не потому, что он был министром, а благодаря гурьевской каше. Почему бы не избобрести какие-нибудь виттевские пирожки?»

6

Февральская революция и последовавший вскоре октябрьский большевистский переворот привели не только к крушению монархии и изменению политического строя в стране, но и к возникновению на территории бывшей Российской империи в результате Гражданской войны различных государственных образований, претендующих на независимость. Практически каждое из этих образований старалось в первую очередь создать свою администрацию в виде правительства и свои символы самостоятельности и автономии в виде геральдических и денежных знаков.

Сделаем небольшое отступление о роли и значении в массовом общественном сознании денежных знаков как неотъемлемой части государственной символики. Известно, что отношение польского поэта Адама Мицкевича к Петербургу было последовательно отрицательным. В этом городе он видел столицу государства, поработившего его родину и унизившего его народ. И хотя Мицкевич хорошо понимал различие между народом и государством, свою неприязнь к Петербургу ему так и не удалось преодолеть. Покидал Россию Мицкевич на корабле. В Кронштадте, опасаясь, что его снимут с судна, прятался на палубе и только в открытом море почувствовал себя в безопасности. Рассказывают, что, обретя чувство свободы, «он начал со злостью швырять в воду оставшиеся у него деньги с изображением ненавистного русского орла».

А теперь вернемся в роковой для России 1917 год. Свержение монархии, изменение политического строя и объявление России республикой означало рождение нового государства, потребовавшего новую символику, в том числе и новые денежные знаки. Понятно, что Временное правительство во главе с Керенским выпустило в обращение новые бумажные деньги, которые вошли в историю городского фольклора как «Керенки».

Естественно, что сторонники монархии, возглавлявшие Белое движение, следовали той же логике и выпускали свои денежные знаки. В 1919 году, при подготовке похода на Петроград, бумажные деньги были выпущены главнокомандующим Северо-Западной белой армии генералом Н. Н. Юденичем. Поход провалился, и деньги Юденичу не понадобились, но в Петрограде они были хорошо известны под именем «Петроградки».

На юге России в обращении находились деньги, выпущенные генералом А. И. Деникиным. Коллекционерам денежных знаков они хорошо знакомы по фольклорным именам: «Катенька» — по портрету Екатерины II, изображенному на них, и «Чайковки» — по имени министра финансов правительства Деникина Н. В. Чайковского, чья подпись стояла на бумажных знаках.

Имя Николая Васильевича Чайковского сохранилось в истории, в том числе и благодаря широко распространенной ленинградской легенде об улице Чайковского, названной будто бы в его честь.

Политическая биография Чайковского начиналась в середине 1860-х годов, когда он вступил в основанную М. А. Натансоном революционную организацию студентов-медиков. Как ни странно, в названии кружка сохранилось не имя его основателя, а имя Чайковского. В советских энциклопедиях члены этого кружка называются «чайковцами». В 1904 году Чайковский вступает в партию эсеров.

После октября 1917 года Чайковский становится яростным противником советской власти. Он входит во Всероссийский комитет спасения родины и революции, который готовил восстание против большевиков. В 1918 году он участвует в «Союзе возрождения», а после высадки союзного десанта в Архангельске возглавляет Верховное управление Северной области. Послужной список Николая Чайковского

весьма последователен. В 1920 году он становится членом южнорусского правительства при генерале Деникине.

Между тем в Петербурге родилась легенда о том, что улица Чайковского носит не имя композитора Петра Ильича Чайковского, а имя его однофамильца — народника Николая Васильевича Чайковского. Легенда приобрела такую широкую популярность, что редколлегия справочника «Весь Ленинград» за 1926 год пришлось рядом с топонимом «Улица Чайковского» в скобках дать разъяснение: «комп.», чтобы доверчивый обыватель не спутал великого композитора с бывшим народником, а позже — откровенным врагом советской власти Н. В. Чайковским.

Поводом для возникновения столь одиозной легенды, вероятно, послужило постановление Петроградского губисполкома 1923 года, согласно которому одновременно были упразднены названия четырех параллельно идущих улиц: Захарьевской, Фурштатской, Шпалерной и Сергиевской. Первым трем присвоили имена революционеров первого поколения: Ивана Каляева, Петра Лаврова и Ивана Воинова. Бывшей же Сергиевской было дано имя композитора Петра Ильича Чайковского, который учился вблизи этой улицы, на Фонтанке, в Училище правоведения, и одно время жил на этой же улице. Однако многим казалось более логичным и уместным, если бы в ряду имен революционеров стояло и четвертое имя не композитора, а революционера, пусть даже и бывшего.

Все поставило на свои места время. В 1990-х годах трем улицам были возвращены их исторические названия, и только бывшая Сергиевская продолжает носить имя великого композитора.

Но мы опять отвлеклись. Вернемся к хронологической последовательности нашего повествования. В Гражданской войне победили большевики, после чего началась история советских денег. На первых сторублевых советских ассигнациях был изображен портрет В. И. Ленина. В народе эти купюры называли «Дядя», видимо, в память о царских «Бабках». И только потом их стали называть «Ленинками».

В 1923 году в обращении появился десятирублевый золотой червонец с изображением крестьянина-сеятеля с лукошком на фоне фабричного города. В фольклоре эта монета получила название «Золотой сеятель».

В 1970-х годах, в пору тотального дефицита промышленных товаров и продуктов питания, в стране появилось необычное порождение советской власти — сертификаты, которыми можно было рассчитываться за товары, приобретенные в валютных магазинах системы «Березка». Это были специализированные закрытые магазины по продаже промышленных и продовольственных товаров на сертификаты. В Ленинграде их было несколько. Один такой магазин находился в известном уже нам бывшем доме банкира Вавельберга на Невском проспекте, 7. Доступ обыкновенным гражданам в этот магазин, богатый ассортимент товаров в котором мог повергнуть в шок любого, кто там случайно оказывался, был закрыт. Понятно, что вокруг магазина процветали спекуляция и фарцовка. В основном на этом поприще подвизались молодые, предприимчивые, энергичные ребята, которых в городе называли «подберезовиками». Здесь же сновали сотрудники органов безопасности в штатском. Законопослушным гражданам лучше было здесь не появляться. В просторечии магазин был известен под именем «Береза». С началом перестройки это уродливое порождение социализма исчезло, оставив по себе память в городском фольклоре:

Мальчик на Невском доллар нашел,
Поднял его и в «Березку» пошел.

Долго папаша ходил в комитет.
Доллар отдали, а мальчика нет.

Сертификаты выдавались в обмен на валюту, заработанную советскими гражданами в зарубежных командировках. В народе они ценились достаточно высоко и, видимо, потому получили название «березовые деньги», в отличие от «деревянных рублей», как именовали в городском фольклоре советские деньги за их невысокую ценность.

Еще с одним явлением, с которым так и не справилась советская власть, было отношение к водке — любимому напитку питерской интеллигенции и пролетариата. Не помогали ни спецмашины медвытрезвителей, которые в народе называли «хмелеуборочными», ни неоднократные повышения цен на спиртное. Ответ на все это был один:

Водка стала пять и восемь,
Все равно мы пить не бросим.
Передайте Ильичу:
Нам и десять по плечу.
Ну, а если будет больше,
То мы сделаем, как в Польше.
Будет дальше дорожать —
Снова будем Зимний брать.

Обращение к Леониду Ильичу Брежневу и намек на революционные события в Польше пока еще носили мирный характер. Однако ленинградцы, если верить фольклору, трезво и со знанием дела оценивали свои возможности: «Если будет двадцать пять — снова Зимний будем брать».

Злоупотребление алкоголем неизбежно вело к увеличению преступности — темы, которую никак не мог обойти своим вниманием городской фольклор. Тем более что к этому подталкивала двусмысленность, заложенная в названии Наличной улицы. Этот топоним существует с середины XVIII века. Название определялось тем, что улица со стороны моря и в самом деле была первой, то есть лицевой. Но в городской мифологии улица известна характерной лексической игрой. В народе ее до сих пор называют «Безнал» или «Наличка». Известна в фольклоре и местная пословица: «На улицу Наличную не ходи с наличными». По вечерам здесь и в самом деле небезопасно.

Если верить фольклору, небезопасно было не только на улице и не только в темное время суток. Вот отрывок из песни о ленинградском трамвае, записанной в Белоруссии:

Когда войдешь в трамвай,
Ты рот не разевай
И по карманам шарить не давай,
Не давай.
Монету доставай,
Вперед передавай,
Ведь это ленинградский наш трамвай,
Наш трамвай.
А если вдруг сосед
Зажилил твой билет,

Ты вора вором тоже не считай,
 Не считай.
 По новой доставай,
 Вперед передавай,
 Ведь это ленинградский наш трамвай.

В городе продолжали рождаться самые невероятные легенды о денежных кладах, зарытых в особняках бежавшей из революционного Петрограда знати. Одна из самых фантастических легенд связана с именем небезызвестной балерины Мариинского театра Матильды Кшесинской. В феврале 1917 года Кшесинская покинула революционный Петроград, а в апреле того же года в пустующий особняк на Петербургской стороне въехали новые хозяева. В нем разместился Центральный комитет партии большевиков и так называемая Военная организация РСДРП, или «Военка», как ее называли в народе. Тогда же, согласно легендам, во дворе особняка были зарыты огромные деньги, будто бы полученные большевиками от германского генерального штаба для организации революционного переворота в России. Через 80 лет эта фантастическая легенда трансформировалась в предание о том, будто бы этот клад к «немецким деньгам» большевиков не имеет никакого отношения. Будто бы сама Матильда Кшесинская перед бегством из Петрограда зарыла свои сокровища.

Легенды о кладах на пустом месте не рождаются. Их корни, как правило, уходят в глубины реальных событий. Так, во время одной из крупнейших большевистских акций в Тифлисе было захвачено 250 тысяч рублей. Однако использовать эти деньги на революционные цели не было никакой возможности. Все номера купюр загодя были переписаны и известны полиции. Тогда большевики решили подделать номера денежных знаков. Операция была проделана художниками так искусно, что забракованы были только две купюры, первые цифры в номерах которых были несколько сдвинуты. И тогда, согласно легенде, кому-то из экспроприаторов пришла в голову мысль сохранить эти купюры для истории. Их запаляли в бутылку и упрятали в землю. Ныне эти купюры будто бы хранятся в Музее политической истории России, развернутом в помещениях особняка Кшесинской.

Между тем ни построенный в Советском Союзе социализм, ни скорое приближение обещанного коммунизма не сокращали, а только увеличивали разрыв между богатыми партийными и государственными чиновниками и остальным населением. Об этом свидетельствует ленинградский городской фольклор.

В 1873 году в сквере перед Александринским театром по проекту скульптора М. О. Микешина был воздвигнут памятник Екатерине II. Статуя императрицы, установленная на высоком фигурном, круглом в плане пьедестале, исполненном архитектором Д. И. Гриммом, давно уже стала одним из любимых объектов городского фольклора. Наименее обидные его прозвища: «Печатка» или «Катька», а место встреч и свиданий молодежи в сквере перед Александринским театром называется «У Катьки». Мифология бронзового монумента богата и разнообразна. Еще в XIX веке начались разговоры о том, что место для установки памятника выбрано вовсе не случайно. Что так и должна стоять лицемерная распутница — спиной к искусству и лицом к публичному дому, который, по одной версии, находился на месте Елисеевского магазина, по другой — на Малой Садовой улице. Записные столичные зубоскалы и остроумцы ни на минуту не оставляли памятник без внимания:

Где стоит такая дама,
 Позади которой драма,

Слева — просвещение,
Справа — развлечение,
А спереди не всякому доступно?

Этакая пикантная игра, в которой и правила всем понятны, и ответ заранее известен. Позади памятника — театр драмы, слева — Публичная библиотека, справа — Сад отдыха, а спереди — Елисейский магазин, цены на товары в котором доступны далеко не всякому.

Далеко не всякому были доступны и многие другие услуги. В 1960—1970-е годы в старинном доме, перестроенном в 1910 году архитектором Ван дер Гюхтом для нужд банкирского дома «Юнкер и К^о» на Невском, 12 существовало широко известное в советском Ленинграде по народному названию «Смерть мужьям» трикотажное женское ателье высшего разряда.. Цены на услуги в этом ателье были столь разорительны не только для законных супругов, но и для богатых любовников, что в Ленинграде об этом ателье мод сложилась пословица: «Смерть мужьям, тюрьма любовникам». Причем если «смерть мужьям» фольклор предполагал в переносном, метафорическом смысле, то судьба любовников была более чем конкретной. При этом допускалось, что тюрьмы можно было все-таки избежать. На этот случай был готов другой вариант поговорки: «Смерть мужьям, петля любовникам».

7

Если верить толковым словарям русского языка, то цена — это денежное выражение стоимости товара или услуг. В этом качестве мы и рассматривали деньги на протяжении всего нашего повествования. Однако те же словари дают и другое определение цены, согласно которому цена — это степень ценности, значимости чего-либо. В этом смысле деньги приобретают иной, метафорический смысл, а то, что в словарях обозначено местоимением «что-либо», вообще цены не имеет. Оно бесценно.

Золото листьев на зелени трав,
Будто за что-то уплаченный штраф,
Будто за летнего счастья полет
Выставят нам дополнительный счет.
Шорох травы — словно шелест купюр.
Как расплатиться за радости бурь?
Как оценить? Да и есть ли она —
Краткому мигу какая цена?
Золотом листьев, как золотом лет,
Платим мы дань за счастливый билет.
Только бы верить, что стоимость трат
Снова окупится зеленым трав. *

В этом иносказательном качестве деньги продолжают жить в городском фольклоре до сих пор. Они и сегодня остаются символами, но символами памяти, надежд, чаяний и ожиданий.

В послевоенном Петербурге сложилась народная традиция вокруг Мемориального комплекса Пискаревского кладбища — одной из главных петербургских святынь. После регистрации брака молодые пары приезжают сюда, чтобы возложить

цветы в память погибших и умерших в годы блокады ленинградцев. Уходя с кладбища, посетители бросают монетки в бассейн при входе, в знак неперемогенного возвращения в эти места памяти и скорби.

В 1990-х годах появилась традиция дотрагиваться до рук и припадать к сапогам шемякинского памятника Петру I в Петропавловской крепости. У Петра как у некоего городского божества просят исполнения желаний.

Целый ряд традиций складывается вокруг памятника Чижику-пыжику на Фонтанке. Большинство из них связаны с пожеланием счастья и благополучия. Для того чтобы в жизни повезло, надо, наполнив рюмку вином, привязать ее к веревке, шнурам или брючному ремню и, перегнувшись через перила набережной, дотянуться до этой питерской птички и чокнуться с нею. По другому обычаю для того, чтобы желание исполнилось, надо бросить к подножию птички монетку. И если она не упадет в воду и удержится на пьедестале, то все сбудется.

Этот невинный питерский обычай подхватили и гости из чужеземных стран. В Фонтанку полетели лиры, центы, пфенниги, песо и другая иноземная мелочь. Как утверждают очевидцы, для некоторых местных аборигенов это превратилось в одну из статей дохода. Они лихо ныряют в мутные воды Фонтанки и извлекают оттуда груды валютной выручки. Эта традиция сбора денег имеет давнюю историю. Говорят, она завезена в Петербург известным путешественником Миклухо-Маклаем, который «наблюдал ее среди диких племен южных островов».

Туристы и гости Петербурга свято чтут и другой обычай. Покидая наш город, они бросают монеты в чаши городских и пригородных фонтанов. Это не только дань традициям, но и дань уважения к петербургскому фольклору как неотъемлемой части городской культуры.

Мы храним прекрасные моменты
В памяти до Божьего суда
И бросаем медные монеты,
Чтоб вернуться в будущем сюда.
Память о языческих приметах,
Опасаясь внутреннего бунта,
Всё готова превратить в предметы
Веры, поклонения и культа.
Верим обещаньям и посулам.
Свято верим избранным дорогам.
Верим даже в то, что не по силам
Никому, за исключением Бога.
И живем во власти этой веры,
Не предпринимая ничего,
Напрягая собственные вены
В ожиданье чуда от Него.
И уходим вместе с верой этой,
И уносим ожиданий крест,
Прихватив последние монеты,
Чтобы заплатить за переезд. *